

КОНЦЕПТ «РЕСЕНТИМЕНТ» КАК ПЕРСПЕКТИВНЫЙ ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ РЕСУРС АНАЛИЗА ПРОТЕСТОВ ПРОТИВ ОСКОРБИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА

К.-Д. Гомес

Уральский государственный медицинский университет
Екатеринбург, Россия

Т. А. Круглова

Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

Аннотация: Исследование ресентимента авторами статьи мотивировано интересом к проблеме конфликтов вокруг искусства, которые стали постоянной и неотъемлемой характеристикой современной культуры. Доминирующий дискурс протестов против современного искусства — дискурс оскорбительности. В статье описывается ряд трудностей изучения феномена оскорбленности, находящихся в плоскости социальной психологии, этики и философии искусства. Выдвигается гипотеза о возможности общего основания конфликтов, включающих в себя дискурс оскорбительности: исток оскорбленности предлагается искать не в художественном произведении, а в состоянии реципиентов, их ценностных установках и вытекающих из них действиях. В качестве перспективного теоретического ресурса выдвигается концепт ресентимента, широко используемый в философии и социальных науках. В статье прослежена история философской рефлексии понятия ресентимента от Ф. Ницше и М. Шелера до начала XXI в. Показана сложность и семантическая неоднозначность концепта. Проведено разграничение морального и социально-политического негодования как позитивных ценностей от ресентимента как деструктивного состояния. Сравнительный анализ концепций ресентимента выявил его социально-бытийные основания («онтологический ресентимент»), его роль как активного и первичного мотиватора протестных действий субъекта, чувствующего себя оскорбленным. Онтологический ресентимент генерирует установку на художественное событие как источник оскорбления. Культурное поле, заряженное ресентиментом, ищет и находит для своего активного выхода различные объекты, и мир искусства становится привлекательной платформой для действенного проявления этой ценностной установки. Выявленные характеристики «онтологического ресентимента» позволяют объяснить реакции и действия публики,

аффективно протестующей против современного искусства. Намечены перспективы применения теории онтологического рессентимента к анализу кейсов в сфере искусства.

Ключевые слова: феномен рессентимента, теория морали Ф. Ницше, теория рессентимента М. Шелера, моральное негодование, дискурс оскорбительности, оскорбление искусством.

Для цитирования: Гомес К.-Д., Круглова Т. А. Концепт «рессентимент» как перспективный теоретический ресурс анализа протестов против оскорбительного искусства // *Koinon*. 2020. Т. 1. № 1–2. С. 104–124. DOI: 10.15826/koinon.2020.01.1.2.005

THE CONCEPT OF “RESSENTIMENT” AS A PROMISING THEORETICAL RESOURCE FOR THE ANALYSIS OF PROTESTS AGAINST OFFENSIVE ART

K.-D. Gomes

Ural State Medical University
Yekaterinburg, Russia

T. A. Kruglova

Ural Federal University
Yekaterinburg, Russia

Abstract: The interest of the authors in the problem of conflicts around art, has become a constant and integral characteristic of present-day culture motivated their studying of resentment. The dominant discourse of protests against contemporary art is the discourse of offensiveness. The article describes several difficulties in studying the phenomenon of offence, which are in the sphere of social psychology, ethics, and philosophy of art. We suggest a hypothesis about the possibility of a common ground for conflicts that include the discourse of offensiveness: we propose to look for the source of an offence not in a work of art, but in the state of the recipients, their value attitudes, and the actions arising from them. As an auspicious theoretical resource, we put forward the concept of resentment widely used in philosophy and social sciences, is put. The article tracked the history of philosophical reflection on resentment from F. Nietzsche and M. Scheler to the beginning of the 21st century. We also highlighted the complexity and semantic ambiguity of the notion. A distinction between moral and socio-political resentment as positive values and resentment as a destructive state is made. A comparative analysis of the concepts of resentment disclosed its social and existential foundations (“ontological resentment”), its role as an active and primary motivator of protest actions of a subject who feels offended. Ontological resentment generates an attitude toward an artistic event as a source of offence. The cultural field,

charged with resentment, seeks and finds various objects for its active outlet, and the art world becomes an attractive platform for the effective manifestation of this value attitude. The characteristics of “ontological resentment” revealed enabled one to explain the reactions and actions of the public, effectively protesting against contemporary art. The article also outlines the prospects of applying the theory of ontological resentment to the analysis of cases in the field of art.

Keywords: the phenomenon of resentment, F. Nietzsche’s theory of morality, M. Scheler’s theory of resentment, moral resentment, the discourse of offensiveness, being offended by art.

For citation: Gomes, K.-D. and Kruglova, T. A. (2020), “The Concept of ‘Resentment’ as a Promising Theoretical Resource for the Analysis of Protests against Offensive Art”, *Koinon*, vol. 1, no. 1–2, pp. 104–124 (in Russian). DOI: 10.15826/koinon.2020.01.1.2.005

Исследование ресентимента мотивировано интересом к проблеме конфликтов вокруг искусства, которые стали постоянной и неотъемлемой характеристикой современной культуры. Изучение этого типа конфликтов открывает серьезные научные перспективы для понимания устройства современной цивилизации, источников ее динамики, движущих сил, целей и последствий. Поняв природу публичных протестов против художественных событий, объяснив истоки возмущения и агрессии по отношению к современному искусству, его агентам и институциям, мы получаем ключ к скрытым, часто искаженным, мотивам поведения не только индивидов, но и целых социальных групп; мы имеем возможность понять взаимосвязи между социальными процессами и художественным миром, что способствует продуктивности развития всех сфер культуры, и, соответственно, у нас появляется шанс повлиять на решение практических проблем.

Доминирующий дискурс протестов против современного искусства — дискурс оскорбительности. Именно концепт «оскорбления» частотно зафиксирован в риторике протестующих групп публики: заявлениях в медиасфере, исках в судебные инстанции и государственные органы, полемике в Интернете и т. д. Искусство вызывает негативную реакцию прежде всего потому, что «оскорбляет». Предметов, подвергнутых оскорбительному действию в искусстве, множество: религиозные чувства, традиционная семейная мораль, коллективная память, национальное достоинство, этническая и гендерная идентичность и т. п.; список поводов оскорбиться постоянно увеличивается. Очевидно, что дискурс оскорбительности оказывается наиболее сильным и эффективным способом публичного воздействия на сферу культуры, привлекая к активности не только отдельных людей, но и целые группы, организованные по разным основаниям (политическим, профессиональным, идеологическим). При этом нужно отметить, что концепт «оскорбления» развязывает агрессию

и коллективные аффекты (гнева, мести), допускает легитимность насилия над произведениями и их авторами, как символического, так и прямого физического характера.

Предмет нашего интереса — оскорбление искусством — новый для философско-культурологического и философско-антропологического анализа, так как чувства («оскорбление чувств верующих») традиционно изучаются социальной психологией, феномен оскорбления — этикой, а провокационное искусство — искусствознанием и эстетикой. Мы предполагаем, что произведения искусства редко оскорбляют или вызывают моральную панику сами по себе, возмущает то, что они символизируют [Mitchell 2005]. В пользу этого предположения можно привести в качестве аргумента наблюдение над исходными моментами протеста: люди часто реагируют не на само произведение или художественное мероприятие, а на его интерпретацию, с которой они сталкиваются до своего прямого контакта с арт-объектом и которая становится «суррогатом, заменой» [Рыклин 2006, с. 98] произведения. В свою очередь, риторика оскорбленной публики, сформулированная лидерами мнений, создает прецедент и соответствующий стереотипный образ того, чем публика оскорбляется, и в дальнейшем реакция на новые прецеденты повторяет уже апробированные дискурсивные обороты. Иногда риторика оскорбленной публики становится правовой нормой, например, закон о защите чувств верующих в РФ [УК РФ 2020, ст. 148].

Изучение дискурса оскорбленности связано с целым рядом трудностей. Первое — эмоциональная природа оскорбления. Оскорбить — значит нанести тяжелую обиду, унижить, поругать, запятнать. Но правовое определение оскорбления — «умаление чести и достоинства лица, выраженное в неприличной форме», а также «содержащееся в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении или средствах массовой информации» [КоАП РФ 2020, ст. 5.61], — отсылает не напрямую к чувству, так как честь и достоинство могут иметь объективно зафиксированные признаки. А на практике под дефиницию «оскорбления» подпадают не только ущемленные честь и достоинство, но и различные чувства, среди которых можно выделить шесть категорий: (1) «оскорбление чувств»; (2) «отвращение и ревульсия»; (3) «шокирование моральных, религиозных или патриотических чувств»; (4) «стыд, смущение и беспокойство»; (5) «раздражение, скука и разочарование»; и (6) «страх, обида, унижение, гнев» [Feinberg 1985, p. 10–13]. Такое разнообразие проявлений оскорбления вызывает полемику как в правоприменительной практике, так и в публичном дискурсе: существуют ли способы фиксации чувств и какие чувства следует защищать, а какие нет? Иначе говоря, чувства — не только сложный и новый предмет для правовых решений, но они также представляют проблему для верификации, что сильно затрудняет любые общественные дебаты. Оскорбленные чувства сложно поддаются идентификации,

и обращение к ним при судебных разбирательствах, возникающих в результате публичных конфликтов вокруг искусства, часто вызывают подозрения в фальсификации. Именно поэтому считается, что правовой статус при оскорблении в первую очередь должны иметь честь и достоинство, а не чувства. И. Микиртурмов предлагает следующим образом решать проблему: при правовой защите оскорбленных чувств, вызванных искусством, необходимо либо выработать социально приемлемый механизм разграничения чувств, подлежащих защите, либо вообще отказаться от защиты чувств и поставить в приоритет свободу выражения мнений [Микиртурмов 2016, с. 90].

Вторая трудность состоит в том, что оскорбление долгое время понималось как нечто очень личное, но протестная деятельность показывает, что оскорбление может становиться чем-то значимым для целой группы. Согласно исследователю публичной цензуры искусства Стивену Дубину, оскорбление имеет коллективную дефиницию, он описывал это как «социальное конструирование допустимости» (social construct of acceptability) [Dubin 1993, p. 258]. Его основной аргумент заключается в том, что «оскорбление» формируется коллективными усилиями и не является продуктом индивидуальных вкусов и предпочтений. Дубин доказывает связь оскорбления с социальным статусом, так как и ранее конфликты были связаны с оскорблением чести и достоинства, являющихся социальными категориями.

Третья трудность связана с квалификацией тех или иных предметов или действий как несомненно оскорбительных. На первый взгляд, вид некоторых предметов бывает оскорбительным сам по себе; например, У. Митчелл в своей работе, посвященной оскорбительным изображениям “What Do Pictures Want?” (Чего хотят изображения, 2005) причисляет к подобным предметам экскременты, мусор, гениталии — в общем, всё, что мы инстинктивно воспринимаем как отвратительное [Mitchell 2005, p. 125]. Попытки данной классификации ряда предметов и их репрезентации как отвратительных очень проблематичны. Во-первых, сама связь отвращения с оскорблением и моральной оценкой является спорной, несмотря на то что чувство отвращения часто связывают с аморальными поступками, трансгрессией и нарушением моральных норм. Отвращение является хорошим индикатором вещей, которые могут навредить нам или косвенно привести к вредным последствиям. На уровне общественного сознания мы знаем, что аморальный поступок может «вызвать отвращение». В попытках наложить положения эволюционной биологии о физическом или патогенном отвращении на область морального ряд исследований в области когнитивной психологии обращался к теме взаимосвязи отвращения и моральной оценки, даже предлагая такой феномен, как «моральное отвращение» [Chapman, Anderson 2013; Haidt, McCauley, Rozin 1994]. Данным исследователям удалось обнаружить существование некоторой корреляции между чувством отвращения как индикатора опасности и моральной интуицией. Однако

наличие существенной разницы между физическим и моральным отвращением не вызывает сомнений, как и разница между опасностью, представляющей непосредственную угрозу жизни, здоровью и имуществу (такие преступления, как убийство, издевательства, грабеж и т. д.) и духовной опасностью, под которую подпадает оскорбление. С современной антропологической точки зрения даже самые спонтанные, бессознательные реакции имеют источник не в «природе» человека, а в культуре.

В разных культурах представления об отвратительном могут отличаться, несмотря на некоторые общие архетипичные реакции. А. Данто в своем эссе «Прекрасное и отвратительное» отмечает, что представления об отвратительном во многом закладываются в нас в процессе воспитания и социализации, т. е. культурно обусловлены [Danto 2001]. У Данто отвратительное — синоним безобразного, т. е. эстетический, а не этический феномен. Таким образом, термин «отвратительное» может использоваться в разных ценностных сферах. Всё это не говорит об отрицании возможности наличия аморального содержания в произведениях искусства, которые изображают нечто отвратительное, но ставит под вопрос то, может ли данная репрезентация нанести моральный вред воспринимающему субъекту.

Во-вторых, не стоит забывать, что для самого поля искусства безобразное и отвратительное являются эстетическими категориями, играющими важную роль в художественной коммуникации и работающие как средства художественного выражения. Шокирующий контент встречается в искусстве довольно часто, особенно это характерно для авангардного искусства. Эстетическая позиция авангарда заключается «в активном и агрессивном воздействии на публику. Производить шок, скандал, эпатаж — без этого авангардное искусство невозможно» [Руднев 1999, с. 12]. При этом, несмотря на частоту репрезентаций отвратительных и шокирующих предметов в искусстве, к оскорблению публики приводят далеко не все из них.

Трудности исследования дискурса оскорбления могут быть преодолены, если сосредоточить анализ не столько на содержании и форме художественных произведений, сколько на контексте происходящего конфликта и на характеристике его сторон (участников).

Дискурс оскорбления — это, очевидно, не просто личная проблема отдельно взятого индивида, а семантическая платформа для конфликтов различных культур и социальных групп. Если человек или группа людей считает, что статус оскорбленного может значительно пострадать, то пренебрежение должно быть немедленно компенсировано. И если другие культурные конфликты имеют шансы быть разрешенными относительно мирно, урегулированы ценой уступок, то в случае с оскорбительными кейсами компромисс часто становится невозможным. Как известно из истории искусства, не все типы конфликтов между художниками и публикой или художниками и властью

имеют агрессивное выражение, сопровождаются насилием, обретают криминальный характер. Но дискурс оскорбления гораздо с большей долей вероятности проявляет себя в самых нетерпимых формах по сравнению с другими квалификациями искусства как общественно неблагоприятного.

Основной семантический груз оскорбительности трактуется в этическом дискурсе, т. е. и сам источник оскорбления, и чувства, которые переживаются как реакция на него, рассматриваются в рамках моральной проблемы. Тем не менее весь исторический материал, относящийся к конфликтам вокруг искусства, доказывает, что поводы для подобной реакции могут быть и за пределами моральных суждений: часто речь идет о религиозных, политических, национальных ценностях. Возможно ли в этом случае найти общее теоретическое основание всех конфликтов, включающих в себя дискурс оскорбительности?

В поисках концептуальных рамок трактовки коллективной оскорбленности искусством имеет смысл обратиться к феномену ресентимента, так как ряд исследователей относит протестную деятельность оскорбленных групп к этому феномену (*ressentiment* — фр., чувство обиды, злопамятство). В пользу этого выбора есть ряд аргументов. Мы предлагаем поставить в центр исследования концепт ресентимента, так как в нем психологические и этические моменты преобразованы в антропологическом формате, он описывается в дискурсе многих социогуманитарных дисциплин: социологии, культурологии, политологии, широко теоретически представлен в философских концепциях, ставящих себе задачу объяснения трансформаций общества, культуры и человека в XXI в. Ресентимент как термин обладает привлекательностью для исследований в международном контексте, высоким уровнем философской проработки и операциональными преимуществами в анализе конкретных кейсов.

Кратко проследим историю философской рефлексии понятия ресентимента. Мы не ставим себе целью сделать полный обзор концепций ресентимента, в наши задачи входит вычленение смыслового ядра, которое позволит нам построить модель описания протестов против искусства в рамках типологического набора признаков: дискурс оскорбленности, активность протестных действий, переходящих в требование наказания, высокий уровень аффектации в процессе протестов, проявления насилия (символического и физического) по отношению к произведениям, авторам или институциям. Это нужно сделать для того, чтобы, во-первых, избежать слишком широкого содержания концепта ресентимента, так как он активно используется в политических и социологических науках для объяснения огромного количества современных социокультурных процессов. Во-вторых, необходимо отграничить ресентимент как феномен, лежащий в истоке подобных протестов, от других форм проявления социального и морального негодования, которые в научной литературе и общественном дискурсе тоже квалифицируются как ресентимент.

Прежде чем мы приступим к обзору концепций ресентимента в истории социогуманитарной мысли, обратим внимание на проблемы использования этого концепта: неоднозначность его семантики, терминологическое различение, ценностную нагруженность. Майкл Юр предпринимает анализ проблемы ресентимента в контексте разграничения негодования и ресентимента (*resentment and rresentiment*) [Ure 2015]. М. Юр выделяет три значения ресентимента, которые используются в современном дискурсе: *моральное негодование, социально-политическое негодование, онтологический ресентимент*. Первые два значения имеют положительные коннотации, так как моральное и социально-политическое негодование нуждается в защите как важная эмоция для выявления и устранения коллективной и систематической несправедливости: «Хотя негодование неизбежно ограничивает нашу добрую волю по отношению к тем, кто нас презирает, оно ни в коем случае не воспринимает их за пределами морали. Напротив, поскольку негодование признает, что обращение с другими имеет значение для нашей самооценки, и признает их свободными или ответственными агентами, то оно обязательно воспринимает свои объекты как “членов морального сообщества”» [Ibid., p. 600]. Таким образом, негодование по своей сути нормативно: это способ «моральной формы обращения» [Ibid.], направленный как на правонарушителя, так и на свидетелей, чтобы оправдать свое собственное недовольство жертвы и восстановить порядок, в котором произошло травмирующее событие. Это чувство негативно, но оно основывается на общепринятых моральных нормах, которые определяют какое-то действие как недопустимое. Другой важной характеристикой негодования является то, что оно носит временный характер: как правило, это быстрая реакция, которая находит выход сразу после травмирующего события или спустя непродолжительное время. Негодование далеко не всегда выражается насильственно и мстительно: «негодование не обязательно связано с возмездием или мстостью, но может быть адекватно рассмотрено и смягчено целым рядом других инструментов: извинениями, комиссиями по установлению истины, публичными показаниями, ориентированными на жертву, репарациями и так далее» [Ibid.].

Тем не менее Юр указывает на то, что социально-политическое негодование потенциально может вызвать или стимулировать онтологический ресентимент, с риском возникновения тоталитарных или перфекционистских политических практик, и предлагает демократической политической теории исследовать то, как не допустить, чтобы социально-политическое негодование перешло в онтологический ресентимент. Важным отличием онтологического ресентимента М. Юр считает постоянное, непрекращающееся страдание, вызванное физиологической неспособностью либо забыть причину страданий, либо превратить их в действие, помогающее их преодолеть. Ресентимент — чрезмерное, параноидальное чувство виктимизации, которое оправдывает

мстительные, злобные нападки на тех, кого субъект ошибочно считает виновными в своих страданиях. Ресентимент — это «оргия обвинений» [Ure 2015, p. 603]. Если моральное и социально-политическое негодование наделяется позитивными коннотациями (восстановление правосудия), то онтологический ресентимент трактуется как социально деструктивный, так как объект негодования подменяется.

Теоретическое различие негодования и ресентимента подкрепляется эмпирическим социологическим исследованием Бернарда Мельцера и Гила Мусольфа, в котором изучались 84 рассказа о личном опыте, когда студенты испытывали негодование или ресентимент по отношению к кому-либо или чему-либо. Как и рефлексивные эмоции стыда и смущения, негодование — это реакция, исходящая от дискредитации; однако, в отличие от стыда (когда ты сам себя дискредитируешь) и смущения (дискредитирование самопрезентации), которые связаны с неблагоприятными самооценками, негодование является следствием явных или подразумеваемых негативных суждений других [Meltzer, Musolf 2002, p. 241]. Ресентимент квалифицируется авторами как мстительная эмоция, часто личная, мелкая, непропорциональная реакция на незначительное, что и отличает его от негодования. Кроме того, ресентимент отличает его пролонгация. Под ресентиментом авторы статьи (вслед за Ницше и Шелером) обозначили хроническое чувство оскорбления, связанное с мстительными желаниями, которые не могут быть легко осуществлены [Ibid., p. 251].

Первым ресентимент как философский и психологический термин ввел датский философ XIX в. С. Кьеркегор. По словам С. Кьеркегора, ресентимент возникает в «рефлексивную, бесстрастную эпоху» [Kierkegaard 1962], в которой население душит творчество и страсть в активных и прогрессивных людях. Кьеркегор утверждал, что люди, которые не подчиняются массам, становятся объектами их насмешек и дают массам чувство собственного превосходства. Основания для феномена ресентимента были выделены и ранее (Д. Юм, А. Смит), Ф. Ницше оформил его в понятие и придал ему категориальный статус в работе «К генеалогии морали» (1887). Согласно Ницше, феномен ресентимента существует как самостоятельное явление, которое явно или неявно присутствует в любой этической системе. Главным здесь становится то, что ресентимент понимается не только как психологический феномен, он *активно создает мир, т. е. имеет свою онтологию, социальную и культурную*. Ресентимент «сам становится творческим и порождает ценности» [Ницше 2002, с. 38].

Особенности этого мира таковы: он никогда не первичен, не самостоятелен, а только реагирует на оригинальное и творческое конструктивное действие, поэтому он деструктивен. «Мораль рабов» вырабатывает свои жизненные принципы, отталкиваясь от ценностей «господ», превращая их в свою противоположность: «Вы угадали уже, с какой легкостью может жреческий

способ оценки ответиться от рыцарски-аристократического и вырасти затем в его противоположность» [Ницше 2002, с. 32]. Суть того состояния, которое производится «рабами», заключается вовсе не в трансляции негативного как такового — «рабы» не демонизируются как источники онтологического зла, — а в процедуре переворачивания отношения добра и зла.

Источником такого дефицитарного отношения является бессилие, которое трактуется Ницше очень разнообразно, наделяется богатой семантикой: это и неспособность к творчеству, это и реальное отсутствие возможностей, ресурсов, это и неумение увидеть вещи в их истинном свете. Так или иначе, сквозной дефицит блага во всех его разновидностях провоцирует *процедуру иллюзорной перемены диспозиции*: «Только одни отверженные являются хорошими; только бедные, бессильные, незнатные являются хорошими; только страждущие, терпящие лишения, больные, уродливые суть единственно благочестивые, единственно набожные, им только и принадлежит блаженство, — вы же, знатные и могущественные, вы, на веки вечные злые, жестокие, похотливые, ненасытные, безбожные, и вы до скончания времен будете злосчастливыми, проклятыми и осужденными!» [Там же, с. 34]. Бессилие как реальная нехватка возможностей, как слабая позиция переворачивается и обретает иллюзорный статус правого, хорошего, превосходящего: «слабость следует перелгать в заслугу» [Там же, с. 56]. *Конструирование мира человеком ресентимента негативно* в том смысле, что оно начинается с образа врага как основного понятия, «исходя из которого и как послеобраз и антипод которого он выдумывает и “доброе” — самого себя!» [Там же, с. 44].

Ресентимент тянет за собой генезис целого комплекса явлений: вины, памяти, боли, совести, ответственности, которые между собой тесно связаны. Боль — сильнейшее средство памяти, в случае с ресентиментом — злопамятства; память, не позволяющая забыть о вине и боли, задает режим совести («нечистой совести»), а постоянство испытывания вины влечет за собой привлечение к ответственности. Вся эта цепочка состояний порождает новый виток страданий: «сколько крови и ужаса заложено в основе всех “хороших вещей”!» [Там же, с. 79]. Ресентимент извращает основное требование, которое им движет, если верить его собственной риторике, — требование справедливости. Идея эквивалентности ущерба и боли является чем-то совсем иным, нежели установлением справедливости: «“faire”, наслаждение в насилии» [Там же, с. 84]. Посредством такого рода «наказания» происходит причащение к праву господ, к *получению компенсации*, которая состоит «в ордере и праве на жестокость» [Там же]. Важно отметить, что *справедливость здесь трактуется как компенсация через причинение страдания другому и получение от этого удовольствия*. Возгонка «злой памяти» способствует этому контрнаслаждению. Предполагается, что именно впадение в состояние аффекта и получение контрнаслаждения является для человека ресентимента основной целью.

Наибольшей коррозии подвергается инстинкт свободы, который «заперт», не имеет возможности проявляться вовне и поэтому разряжается «лишь в самом себе». Тема «самонасилия» имеет *прямое отношение к художественной сфере* и во многом может помочь понять природу ressentimentа в конфликтах вокруг искусства. Свобода провозглашается ключевой ценностью мира искусства. Начиная с Нового времени, она стала синонимом подлинности художественного акта, верности творца самому себе, адекватности природе творчества. Ницше, следуя своему методу разоблачения, обнаруживает в истоках «прекрасного», как оно утвердилось в европейской культуре, самонасилие художника, которое и есть форма «нечистой совести»: «эта жестокость художника, эта радость придавать себе форму как трудному, сопротивляющемуся, страдающему материалу, вжигать в себя волю, критику, противоречие, презрение, отказ, эта жуткая и ужасающе насладительная работа своевольно раздвоенной души, причиняющей себе страдания из удовольствия причинять страдания, вся эта активная “нечистая совесть”, будучи настоящим материнским лоном идеальных и воображаемых событий, произвела в конце концов на свет — читатель уже догадывается — некое изобилие новых и странных красот и утверждений и, быть может, вообще и саму красоту» [Ницше 2002, с. 126]. Здесь Ницше метит в сторону кантовского принципа незаинтересованности и бескорыстности, которые лежат в основе эстетического отношения, разоблачая в нем «удовольствие жестокости»: «только нечистая совесть, только воля к самоистязанию служит предпосылкой для ценности неэгоистического» [Там же].

Ресентимент, по Ницше, есть *форма утверждения верховенства долга перед родом*. Этот долг, питаемый страхом «перед родоначальником и его властью» постоянно возрастает и оплачивается исключительно жертвами. Логика возрастания страха, которую Ницше называет «неотесанной», такова: беды и признаки вырождения, распада не уменьшают власть прародителя, не сводят на нет «представление о его уме, предусмотрительности и наличной мощи», а всё происходит наоборот: прародитель «вырастает в чудовищных масштабах». Это суждение Ницше проливает свет на преобладание в людях, оскорбляющихся искусством и активно требующих наказания их авторов, традиционалистских взглядов и фундаменталистских принципов.

Отметим в этих рассуждениях связь между вектором упадка (бессилием, дефицитом возможностей, ущербом и прочими негативными проявлениями жизни, не способствующими чувствам уверенности, счастья, достоинства) и ростом уверенности в своем праве господствовать. Чем более слабая (в самых разных отношениях: культурных, экономических, политических, символических) позиция, тем активнее воля к низведению ценностей Другого (успешного, самодостаточного, процветающего, имеющего символический капитал).

Существующие в действительности и антропологические, и социальные проблемы человек ressentimentа решает чисто аффективно, «разряжение

аффекта для страдающего есть величайшая попытка облегчения», и Ницше сравнивает такое действие с наркотическим. Истинная причина «ressentiment, мести и их придатков, стало быть, в потребности заглушить боль путем аффекта, — вообще же причину эту весьма ошибочно, на мой взгляд, ищут в оборонительном контрударе, в простой защитной реакции» [Ницше 2002, с. 199]. Разница тут фундаментальная: в одном случае происходит целесообразная реакция, направленная на изменение реального положения дел, неважно, приспособительная или наступательная, но стремящаяся прекратить дальнейшие повреждения. В случае ресентимента реакция другая: «заглушить мучительную, подспудную, изводящую боль более резкой эмоцией какого угодно рода и хотя бы на мгновение вытеснить ее из сознания — для этого нужен аффект, как нельзя более дикий аффект, а для возбуждения его — первый повернувшийся под руку повод» [Там же, с. 200]. Обратим внимание на процедуру вытеснения истинной причины страдания, и это вытеснение происходит тем в большей степени, чем глубже она скрыта. Иллюзорное понимание причины страдания порождает неразделимый комплекс вины, страха и наказания и волю воспроизводить этот комплекс.

Еще она особенность ресентимента — и это будет важно для анализа обвинительного дискурса в отношении современного искусства и поводов апелляции к государственной власти — то, что «он не повинуется никакой власти, он верит, напротив, в свое преимущество над всякой властью, в свою безусловную ранговую дистанцию относительно всякой власти — он верит в то, что нет на земле такой власти, которая бы не из него стяжала смысл, право на существование, ценность...» [Там же, с. 235]. В риторике оскорбленных искусством протестантов частотно присутствует уверенность, что юридическое разбирательство не является для них последней инстанцией, что они *владеют некой высшей истиной*, которая возвышается над слишком рассудочным и приземленным земным судом, «бессознательный императив». Истина предстает предметом веры и не «смеет быть проблемой» и предметом критической проверки.

Представляются очень важными для целей нашего исследования рассуждения Ницше об альтернативах аскетическому идеалу (как ядру ресентимента), о сравнении в этом плане науки и искусства. Как следует из толкования ресентимента, все сферы культуры оказались затронуты им. Соответственно, и в искусстве можно обнаружить проявление ресентимента во всем его многообразии. Не обошло это и современную художественную культуру. Среди людей ресентимента есть и малообразованные потребители искусства, но есть и талантливые творцы, художники, «отравленные», пользуясь выражением Ницше, ядом «нечистой совести»: «наемничество художника на службе у аскетического идеала есть верх художнической коррупции, к сожалению, одной из наиболее распространенных: ибо нет ничего более охочего до коррупции,

чем художник» [Ницше 2002, с. 247]. Тем интереснее найти у Ницше примеры альтернативного искусства, его признаки: «И в высших сферах духовности у аскетического идеала есть все еще только одна разновидность действительных врагов и вредителей — комедианты этого идеала, — ибо они пробуждают недоверие» [Там же, с. 257].

Концепция ресентимента Ницше оказала огромное влияние на дальнейшее философское осмысление целого комплекса аналогичных феноменов. Обзор исследований концепции ресентимента Ницше осуществила И. Абдрашитова [Абдрашитова 2006], систематизировав основные их направления. К наиболее важным интерпретациям можно отнести работу «Ницше и философия» Ж. Делёза [Делёз 2003], где проведено тщательное исследование понятия ресентимента, обозначенного в русском переводе как «злопамятность»; произведение М. Хайдеггера «Кто такой Заратустра у Ницше?» [Хайдеггер 2000], где понятие «ресентимент» соотносится с мезтью. Также интересна работа А. Н. Мочкина «Фридрих Ницше» [Мочкин 2005] — современного исследователя жизни и философии Ницше, доказывающего, что ресентимент является объяснительным механизмом почти всего ницшеанского наследия, его центральным звеном.

Подведем краткие итоги концепции ресентимента Ницше и определим возможности объяснения ею дискурса оскорбления в отношениях публики и современного искусства.

1. Логика рассуждений Ницше о ресентименте исходит и отталкивается не от понятия «оскорбления», а от других концептов: страдание, вина, нечистая совесть, наказание, аскетический идеал. Из контекста его рассуждений о «морали господ», которая не затронута ресентиментом, можно сделать вывод о том, что оскорбление может входить в альтернативную ресентименту позицию, что в самом по себе оскорбительном дискурсе нет — исторически и логически — прямого отношения к ресентименту.

2. Признаки ресентимента, как их рассматривает Ницше, складываются в стройную систему, они тесно связаны друг с другом, взаимно усиливают друг друга. Именно в таком системном виде ресентимент, как показывает дискурс-анализ текстов, созданных протестными группами, инициаторами обвинительного дискурса и конфликтов вокруг искусства, обнаруживается в современной практике, где концепт «оскорбления» оказывается самым распространенным. Это позволяет предположить, что *концепт «оскорбительности» присвоил себе семантику ресентимента, так, что во многих случаях она оказалась растворенной в «оскорблении»*. Логика оскорбленности и логика ресентимента — в чем-то разные, однако родственные и тесно взаимодействующие в конфликтах рассматриваемого типа. Также это свидетельствует о том, что «оскорбление» в современной культуре обретает всё более расширяющуюся семантику, включает в себя всё новые и новые объекты и отношения.

3. Ресентимент образует ценностную установку, сконструированную в результате наделения образа Другого чертами врага. Группы, выступающие с требованием цензуры искусства, не действуют по принципу создания чего-то нового, что могло бы утвердить их ценности в противовес тем, которые были ими восприняты как оскорбительные в художественном произведении. Вместо этого они стремятся разрушить ценности другого, конструируя свои ценности через отрицание, в нашем случае, того, что входит в этико-эстетические ценности художественного поля.

4. Трактовка Ницше ресентимента совпадает с тем, что М. Юр назвал «онтологическим ресентиментом» в отличие от социального и морального негодования.

После Ницше М. Шелер придал феномену ресентимента методологически-концептуальный характер [Апресян 2001]. Он применил *феноменологический подход: ресентимент Шелер исследует как феноменальное единство переживаний и действия*. Такие эмоции, как месть, зависть, обычно приписываемые ресентименту, являются началами, но не определяют суть ресентимента, ибо они реактивны, тогда как *ресентимент активен и является не эмоцией, а ценностной установкой*. Шелер дает развернутое определение специфики: «Ресентимент... представляет собой долговременную психическую установку, которая возникает вследствие систематического запрета на выражение известных душевных движений и аффектов, самих по себе нормальных и относящихся к основному содержанию человеческой природы, — запрета, порождающего склонность к определенным ценностным иллюзиям и соответствующим оценкам» [Шелер 1999, с. 13–14]. Ресентимент, происходя из аффектов мести, гнева и зависти, ими не исчерпывается, он включает в себя еще важные элементы: «Мстительное чувство тем скорее переходит в ресентимент, чем более оно становится длящимся состоянием, непрерывно ощущаемым как неподвластное воле состояние “оскорбленности”; в чем большей мере *оскорбление воспринимается как судьба*» [Там же, с. 22]. «Судьба» здесь важна, поскольку она указывает не на конкретную реакцию индивида на конкретный объект (эмоцию), а на моральную диспозицию, укорененную в социально-историческом контексте: национальная гордость при политической беспомощности, формальное равноправие при фактическом подавлении, и тому подобное. Подчеркнем, что у Шелера месть — не просто эмоция или аффект. Месть реактивна, а *ресентимент как моральная установка активен*. Приведем еще один его аргумент в пользу того, что ресентимент нельзя свести к эмоциональной реакции на конкретный объект как источник оскорбления: «“Ресентиментную критику” отличает как раз то, что на самом деле она вовсе не “желает” того, что выдает за желаемое; она критикует не для того, чтобы устранить зло, а лишь использует зло как предлог, чтобы высказаться» [Там же, с. 23].

Таким образом, Шелер постоянно настаивает на том, что ресентимент не есть вторичная, спровоцированная неким определенным посылом, реакция. Наоборот, он, благодаря длительности состояния, *ведет себя активно, задает первичный импульс конфликту*. В связи с конфликтами вокруг искусства эта трактовка дает очень много, так как позволяет видеть в нападках на искусство не точечные и каждый раз имеющие свои причины, события, а проявление определенного отношения к искусству в целом. Ресентимент формирует собственные предпочтения в искусстве (как и в морали), он *создает состояние оскорбленности, которое, по Шелеру, уже само выискивает, чем бы оскорбиться и на что напасть*.

Следующее важное свойство ресентимента, которое открывает Шелер, — это специфическая *ценностная иллюзия ресентимента*: «В первую очередь сознание собственной большей ценности или равноценности, к которому стремится “подлый человек” и которое снимает напряжение, достигается иллюзорным путем за счет принижения ценных качеств объекта сравнения или с помощью выработки особой “слепоты” по отношению к ним; но потом — и здесь мы впервые сталкиваемся с действием собственно ресентимента — оно достигается посредством иллюзорного восприятия и фальсификации самих ценностей, в свете которых возможные объекты сравнения вообще могут иметь хоть какую-то позитивную ценность» [Шелер 1999, с. 33–34].

Описанная аффективная реакция, уничтожающая или портящая объект, действительно, свидетельствует о бессилии и, очевидно, о замещении объекта мести или желания обладать, но этого недостаточно для ресентимента, считает Шелер: «Однако этот психологический закон снятия напряжения между стремлением и бессилием путем иллюзорной оценки объекта приобретает совершенно новый и чреватый разнообразными следствиями смысл, если мы имеем дело с душевной конституцией, определяемой ресентиментом» [Там же, с. 59]. Прогрессирующее развитие этого внутреннего процесса ведет к *фальсификации предметной картины мира* [Там же]. Настоящие ценности отвергаются и дискредитируются, хотя очевидно, что они предпочтительны и стремление к ним естественно.

Важную роль в социальном плане имеют аффекты, им Шелер уделяет много места. Аффекты являются существенным компонентом ненависти, чувства мести, гнева и прочих негативных состояний. Когда аффект идет рука об руку с чувством бессилия и сознанием собственной «правоты» и чрезвычайной ранимости, в силу вступает ресентимент. В итоге аффекты вытесняются, не осознаются, и переносятся на какую-то группу. Шелер так пишет о социальном фоне роста аффектов: «С социологической точки зрения, отсюда следует важный вывод: этого душевного динамита образуется тем больше, чем больше *разрыв между политическим и правовым* (конституционным или соответствующим «обычаю») положениями, а также *публичной значимостью*

групп — и их фактическим отношением к власти. Роль играет не какой-то один из этих факторов, а разрыв между ними» [Шелер 1999, с. 21]. В ситуации, где каждый *может* себя сравнивать с каждым, но *фактически* не может сравниться, длящееся, неподвластное воле состояние «оскорбленности» перерастает в ресентимент. В итоге группа считает, что нечто достойно отмщения уже в силу факта своего существования.

По Шелеру, ресентиментную критику отличает то, что она критикует не для того, чтобы устранить зло, а лишь использует зло как предлог чтобы высказаться [Там же, с. 23]. Образ мысли, который наделяет отрицание, критику и зависть творческой силой, в принципе характерен для ресентимента. Интересно, что зависть ресентимента часто направлена на те блага, которые нельзя приобрести, и в своей крайности она может перерасти в *экзистенциальную зависть, направленную на индивидуальную сущность и бытие другого*: «В нем зарождается нечто такое, что пробуждает желание хулить, ниспровергать, унижать, и он цепляется за любой феномен, чтобы через его отрицание хоть как-то себя проявить. Так, оправдывая внутреннюю конституцию своего ценностного переживания, ресентиментный тип произвольно “обесценивает” бытие и мир» [Там же, с. 60].

Проблема современной системы конкуренции/соревнования заключается в том, что значимость вырабатывается на желании быть и значить больше через постоянное сравнение себя с другими. Таким образом, по Шелеру, ресентимент «достигается посредством иллюзорного восприятия и фальсификации самих ценностей, в свете которых возможные объекты сравнения вообще могут иметь хоть какую-нибудь позитивную ценность» [Там же, с. 33]. Дискредитации, таким образом, подвергается и сама процедура сравнения и соревнования. В результате принижения всех ценностей до собственного фактического состояния происходит дискредитация ценностей вообще [Там же, с. 35]. По концепции ресентимента Шелера можно выделить следующие выводы, применительно к дискурсу оскорбления:

Ресентимент — психическая установка, которая возникает в результате дефицита возможностей реагировать на непосредственные источники неудач, неприязни, обиды, становясь продолжительной, отложенной местью. Не имея возможности проявить известные и естественные аффекты своевременно, человек начинает активно создавать предметную картину мира, в которой господствует ресентимент. Ресентимент постоянен, так как отложенная месть, потеряв связь с изначальным объектом, перенаправляется (даже расширяется) и разряжается в виде аффектов, направленных на сущностное бытие Другого. Активность ресентимента проявляется в инициативности к конфликту, готовности оскорбиться.

Ресентимент социален, так как для его возникновения необходим другой, и он всегда проявляется вовне и фиксируется во взаимодействии.

Ресентимент приводит к дискредитации чужих позитивных ценностей, вызванной неосознанными ассоциациями с ситуацией, послужившей изначальным импульсом для мести. Отрицая ценности Другого, ресентиментный тип принижает все ценности до своего собственного текущего состояния, претендуя при этом на всеобщность данных ценностей.

Концепции ресентимента Ницше и Шелера преемственно связаны, но мы не будем останавливаться на различиях в их трактовках. Отметим общие моменты, которые совпадают с семантикой «онтологического ресентимента» у М. Юра и позволяют отличить этот вид ресентимента от социального и морального негодования: длительность и устойчивость ценностной установки на дискредитацию и наказание Другого; фальсификацию или подмену источника проблемы; доминанту негативных аффектов и насилия.

Сегодня многие исследователи пытаются пересмотреть самодискредитацию ресентимента, преодолевая его субъективную идентификацию с «бессилием как с тюрьмой», в которую человек идет добровольно [Tuinen 2018, p. 4]. Для того чтобы избежать подобного противоречия, можно сделать разграничение между ресентиментом (*ressentiment*) как чувством мести, потерявшим связь с объектом, и ресентиментом (*resentiment*) как чувством несправедливости. Первое означает легитимацию аффекта и символического насилия при помощи оскорбления, при этом реактивные действия не регулируются моральными принципами. Последнее означает моральное негодование как реакцию на враждебность и злонамеренность других.

Итак, можно подвести краткие итоги рассуждения о ресурсе теорий ресентимента для анализа протестов против оскорбительного искусства. На основе выявленной сущности «онтологического ресентимента» весьма продуктивным видится построение модели анализа конфликтов вокруг современного искусства, модели, которая объяснит скрытый исток или первичный импульс конфликта, ценностную избирательность реагирования на художественные события, выбор стратегии действия оскорбленным субъектом, дискурсивные особенности оформления возмущения в Сети, текстах судебных исков, и т. п. «Онтологическим» ресентимент можно считать потому, что он всеми авторами наделяется характеристиками первичности, а не реактивности; его содержательные и функциональные качества формируются не как реакция на конкретное событие (в нашем случае — художественное), а они сами генерируют установку на событие как источник оскорбления. Иначе говоря, в культуре возникает поле, заряженное ресентиментом, которое ищет и находит для своего активного выхода различные объекты. Ресентимент не ждет провокаций из мира искусства, он сам находит и создает источники оскорбительного дискурса.

Объекты из мира искусства становятся эффективной и привлекательной для носителей ресентиментного отношения к миру точкой приложения активности

в силу своих качеств: высокой символической нагруженности, допускающей чрезвычайно широкие трактовки социальных феноменов и культурных ценностей; публичного характера; неопределенности правил функционирования в социальном пространстве; отсутствия кодификации творческих профессий; размытости этического дискурса в отношении произведений искусства. И, на наш взгляд, самое существенное: художественный мир, как он сформировался в эпоху модерна, является главным репрезентантом ценностей свободы, сингулярности, новизны, а эти ценности находятся в постоянном состоянии напряженного контрапункта с другими важнейшими ценностями демократических режимов: гарантиями равенства и справедливости.

Напрашивается вывод, что истинная причина возмущения заключается в отвержении всего того, что *символизируют и произведение искусства, и его автор, и, самое главное, институция мира искусства, которая их представляет*. У. Митчелл приводит много примеров подобного возмущения в своей работе, посвященной современному иконоборчеству в пространствах культуры. Митчелл изучает протесты с точки зрения иконоборческих стратегий, которые «наказывают» изображения, хотя понятно, что выступают они не против самого объекта, а против того, что они символически репрезентируют. Примеры, которые он приводит, довольно известны: закрашивание белой краской картины «Дева Мария» (автор К. Офили) протестующим католиком [Mitchell 2005, p. 130]. Активист как бы прикрыл изображение, которое было расценено многими как оскорбительное, так как картина представляет собой изображение темнокожей Девы Марии, написанное слоновым пометом. Или более эмоциональная расправа над работой: закидывание тушью и яйцами портрета Майры Хиндли (автор М. Харви), серийной убийцы детей. Митчелл напрямую связывает сами акты вандализма с усвоенной человеком на антропологическом уровне фетишистской одержимостью символикой изображений.

Критика демократических идей через призму ресентимента в текстах Ницше и Шелера настораживает, так как выглядит реакционной по отношению к эгалитарным тенденциям современного им периода. Во избежание низведения всей протестной деятельности оскорбленной публики до онтологического ресентимента, мы не трактуем ресентимент как состояние добровольного и сознательного выбора, так как люди действуют в условиях, благоприятных для расцвета ресентимента. Нам интересна *символическая борьба, разыгрывающаяся в публичных пространствах, в которых ресентимент уже присутствует*.

Полемичность феномена подчеркивает двойственность диспозиции оскорбление — ресентимент. Ресентиментом пропитана сфера публичного, и он используется различными группами, выливается в аффекты и символическое насилие. Возникают группы, которые занимаются протестной деятельностью по отношению к современному искусству на постоянной основе, хотя границы их как сообществ очень размыты: «Появляется целый класс профессиональных

обиженных, которые под видом “гласа народа” транслируют волю “хозяев дискурса” и по сути своей являются эффективным инструментом репрессий, всепроникающей цензуры коллективного бессознательного» [Медведев 2014]. П. Слотердайк в эссе «Презрение масс» показывает, как на основе этого феномена развились целые культурные индустрии публичных спектаклей, в которых смешивается сентиментальность с жестокостью [Tuinen 2018, p. 4].

В современной культуре мир искусства, представляющие его институции, сами творцы (художники, режиссеры, хореографы, писатели), кураторы, издатели и продюсеры, арт-критики, — все они образуют в глазах групп, испытывающих травмы или находящихся в дефицитарном состоянии, сообщество, ускользающее от контроля. Символический капитал этого мира представляется несправедливо нажитым, а его источник — внутренние законы автономного поля искусства — недоступным для воздействия на него.

Список литературы

- Абдрашитова 2006 — *Абдрашитова И. В.* Феномен ресентимента в философии Фридриха Ницше : автореферат дис. ... канд. филос. наук. Саранск : Морд. гос. ун-т им. Н. П. Огарева, 2006. 21 с.
- Апресян 2001 — *Апресян Р. Г.* Ресентимент и историческая динамика морали // *Этическая мысль*. Вып. 2 / отв. ред. А. А. Гусейнов. М. : ИФ РАН, 2001. С. 27–40.
- Делез 2003 — *Делез Ж.* Ницше и философия / пер. с фр. О. Хомы под ред. Б. Скуратова. М. : Ад Маргинем, 2003. 382 с.
- КоАП РФ 2020 — Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 31.07.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 11.08.2020). Ст. 5.61 : Оскорбление [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справочная правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/d40cbd099d17057d9697b15ee8368e49953416ae/ (дата обращения: 23.09.2020).
- Медведев 2014 — *Медведев С.* Русский ресентимент [Электронный ресурс] // *Отечественные записки*. 2014. № 6 (63). URL: <http://www.intelros.ru/readroom/otechestvennyye-zapiski/06-2014/25544-russkiy-resentiment.html> (дата обращения: 23.09.2020).
- Микиртумов 2016 — *Микиртумов И. Б.* Риторика оскорбленных чувств // РАЦИО.ru. 2016. Т. 17. № 2. С. 80–101.
- Мочкин 2005 — *Мочкин А. Н.* Фридрих Ницше (интеллектуальная биография). М. : ИФ РАН, 2005. 246 с.
- Ницше 2002 — *Ницше Ф.* К генеалогии морали. М. : Директ-Медиа, 2002. 269 с.
- Руднев 1999 — *Руднев В.* Словарь культуры XX века: Ключевые понятия и тексты. М. : Аграф, 1999. 382 с.
- Рыклин 2006 — *Рыклин М.* Свастика, крест, звезда. Произведение искусства в эпоху управляемой демократии. М. : Логос, 2006. 208 с.
- УК РФ 2020 — Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2020). Ст. 148 : Нарушение права на свободу совести и вероисповеданий [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справочная правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/3f061fb01a04145dc7e07fe39a97509bd2da705f/ (дата обращения: 23.09.2020).
- Хайдеггер 2000 — *Хайдеггер М.* Кто такой Заратустра у Ницше? / пер. с нем. и прим. И. В. Жук // *Топос*. 2000. № 1. С. 50–65.
- Шелер 1999 — *Шелер М.* Ресентимент в структуре моралей / пер. с нем. А. Н. Малинкина ; отв. ред. Л. Г. Ионин. СПб. : Наука ; Университетская книга, 1999. 232 с.

- Chapman, Anderson 2013 — *Chapman H., Anderson A.* Things Rank and Gross in Nature: A Review and Synthesis of Moral Disgust // *Psychological Bulletin*. 2013. Vol. 139 (2). P. 300–327.
- Danto 2001 — *Danto A. C.* Beauty and the Beastly // *Nation*. 2001. Vol. 272. No. 16. P. 25–28.
- Dubin 1993 — *Dubin S.* Arresting Images: Impolitic Art and Uncivil Actions // *The Journal of Arts Management, Law, and Society*. 1993. Vol. 23. No. 3. P. 255–262.
- Feinberg 1985 — *Feinberg J.* *Offense to Others*. Vol. 4. New York : Oxford University Press, 1985. 348 p.
- Haidt, McCauley, Rozin 1994 — *Haidt J., McCauley C., Rozin P.* Individual Differences in Sensitivity to Disgust: A Scale Sampling Seven Domains of Disgust Elicitors // *Personality and Individual Differences*. 1994. Vol. 16. P. 701–713. DOI: 10.1016/0191-8869(94)90212-7.
- Kierkegaard 1962 — *Kierkegaard S.* The Present Age (1846) [Electronic resource] // The History Guide. Lectures on Twentieth Century Europe. URL: http://www.historyguide.org/europe/present_age.html (access date: 23.09.2020)
- Meltzer, Musolf 2002 — *Meltzer B., Musolf G.* Resentment and Ressentiment // *Sociological Inquiry*. 2002. Vol. 72. No. 2. P. 240–255.
- Mitchell 2005 — *Mitchell W. J. T.* What Do Pictures Want?: The Lives and Loves of Images. Chicago : University of Chicago Press, 2005. 408 p.
- Tuinen 2018 — *Tuinen van S.* Introduction [Electronic resource] // The Polemics of Ressentiment: Variations on Nietzsche / ed. by S. van Tuinen. London : Bloomsbury Academic, 2018. URL: https://www.academia.edu/40293125/The_Polemics_of_Ressentiment_-_Introduction_Bloomsbury_2018_ (access date: 23.09.2020).
- Ure 2015 — *Ure M.* Resentment/Ressentiment // *Constellations: an international journal of critical and democratic theory*. 2015. Vol. 22 (4). P. 599–613. DOI: 10.1111/1467-8675.12098.

References

- Abdrashitova, I. V. (2006), *Fenomen resentimenta v filosofii Fridriha Nicshe* [The Phenomenon of Ressentiment in the Philosophy of Friedrich Nietzsche], Abstract of Ph.D. dissertation, N. P. Ogarev's Mordovia State University, Saransk, 21 p. (in Russian).
- Apresyan, R. G. (2001), "Ressentiment and the Historical Dynamics of Morality", in Guseinov, A. A. (ed.), *Eticheskaya mysl'. Vypusk 2* [Ethical Thought. Iss. 2], IF RAN, Moscow, pp. 27–41 (in Russian).
- Chapman, H. and Anderson, A. (2013), "Things Rank and Gross in Nature: A Review and Synthesis of Moral Disgust", *Psychological Bulletin*, vol. 139, no. 2, pp. 300–327.
- Danto, A. C. (2001), "Beauty and the Beastly", *Nation*, vol. 272, no. 16, pp. 25–29.
- Deleuze, G. (2003), *Nietzsche et la Philosophie*, translated by Khom, O., Ad Marginem, Moscow, 382 p. (in Russian).
- Dubin, S. (1993), "Arresting Images: Impolitic Art and Uncivil Actions", *The Journal of Arts Management, Law, and Society*, vol. 23, no 3, pp. 255–262.
- Feinberg, J. (1985), *Offense to Others*, Vol. 4, Oxford University Press, New York, 348 p.
- Haidt, J., McCauley, C. and Rozin, P. (1994), "Individual Differences in Sensitivity to Disgust: A Scale Sampling Seven Domains of Disgust Elicitors", *Personality and Individual Differences*, vol. 16, pp. 701–713.
- Heidegger, M. (2000), "Wer ist Nietzsches Zarathustra?", translated by Zhuk, I. V., *Topos*, no. 1. p. 50–65 (in Russian).
- Kierkegaard, S. (1962), "The Present Age (1846)", *The History Guide. Lectures on Twentieth Century Europe*, available at: http://www.historyguide.org/europe/present_age.html (accessed 23 September 2020).
- Kodeks Rossiiskoi Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyakh. Stat'ya 5.61, Oskorblenie [Administrative Code of the Russian Federation. Article 5.61, Insult] (2020), Konsul'tantPlyus, available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/d40cbd099d17057d9697b15ee8368e49953416ae/ (accessed 23 September 2020) (in Russian).
- Medvedev, S. (2014), "Russian Ressentiment", *Otechestvennye zapiski*, no. 6 (63), available at: <http://www.intelros.ru/readroom/otechestvennye-zapiski/o6-2014/25544-russkiy-resentiment.html> (accessed 23 September 2020) (in Russian).

- Meltzer, B. and Musolf, G. (2002), "Resentment and Ressentiment", *Sociological Inquiry*, vol. 72, no. 2, pp. 240–255.
- Mikirtumov, I. B. (2016), "Rhetoric of Offended Feelings", *RACIO.ru*, vol. 17, no. 2, p. 80–101 (in Russian).
- Mitchell, W. J. T. (2005), *What Do Pictures Want?: The Lives and Loves of Images*, University of Chicago Press, Chicago, 408 p.
- Mochkin, A. N. (2005), *Fridrih Nicshe (intellektual'naja biografija)* [Friedrich Nietzsche (Intellectual Biography)], IF RAN, Moscow, 246 p. (in Russian).
- Nietzsche, F. (2002), *Zur Genealogie der Moral*, translated by Svasyan, K., Direkt-Media, Moscow, 269 p. (in Russian).
- Rudnev, V. (1999), *Slovar' kul'tury XX veka* [Dictionary of Culture of the Twentieth Century: Key Concepts and Texts], Agraf, Moscow, 382 p. (in Russian).
- Ryklin, M. (2006), *Svastika, krest, zvezda. Proizvedenie iskusstva v jepohu upravljaemoj demokratii* [Swastika, Cross, Star. A Work of Art in an Era of Governed Democracy], Logos, Moscow, 208 p. (in Russian).
- Scheler, M. (1999), *Das Ressentiment im Aufbau der Moralen*, translated by Malinkin, A. N., Nauka, Saint Petersburg, 232 p. (in Russian).
- Tuinen van, S. (2018), "Introduction", in Tuinen van, S. (ed.), *The Polemics of Ressentiment: Variations on Nietzsche*, Bloomsbury Academic, London, available at: https://www.academia.edu/40293125/The_Polemics_of_Ressentiment_-_Introduction_Bloomsbury_2018_ (accessed 23 September 2020).
- Ugolovnyi kodeks Rossijskoi Federatsii. Stat'ya 148, Narushenie prava na svobodu sovesti i veroispovedanii* [Criminal Code of the Russian Federation. Article 148, Violation of the right to freedom of conscience and religion] (2020), Konsul'tantPlyus, available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/3f061fb01a04145dc7e07fe39a97509bd2da705f/ (accessed 23 September 2020) (in Russian).
- Ure, M. (2015), "Resentment/Ressentiment", *Constellations: an international journal of critical and democratic theory*, vol. 22, no. 4, pp. 599–613.

Рукопись поступила в редакцию / Received: 23.09.2020

Принята к публикации / Accepted: 12.10.2020

Информация об авторах

Гомес Каролина-Джоанна
Уральский государственный медицинский
университет
620014, Россия, Екатеринбург, ул. Репина, 3
E-mail: gomeskjoanna@gmail.com
Авторский ORCID: 0000-0002-0706-6606

Круглова Татьяна Анатольевна
доктор философских наук, профессор
Уральский федеральный университет
620083, Россия, Екатеринбург,
пр. Ленина, 51
E-mail: tkruglowa@mail.ru
Авторский ORCID: 0000-0002-4014-2877

Information about the authors

Gomes, Karolina-Dzhoanna
Ural State Medical University
3 Repina St., Yekaterinburg
620028 Russia
E-mail: gomeskjoanna@gmail.com
Author's ORCID: 0000-0002-0706-6606

Kruglova, Tatyana Anatolyevna
D.Sci. (Philosophy), Professor
Ural Federal University
51 Lenin St., Yekaterinburg,
620083 Russia
E-mail: tkruglowa@mail.ru
Author's ORCID: 0000-0002-4014-2877